

The background of the cover is a detailed illustration. It depicts a woman with dark hair, wearing a dark dress and a long, flowing red cape, standing on a balcony. She is looking towards a large, ornate, golden door of a palace. On the door, there is a shadow of a person in a similar pose, pointing towards the woman. To the left of the woman, there is a classic street lamp with a warm glow. In the background, across a body of water, the illuminated dome of St. Isaac's Cathedral is visible under a dark, cloudy night sky with a full moon.

ДВОРЕЦ ЗАБЫТЫХ ФОНАРЕЙ

ДВОРЕЦ ЗАБЫТЫХ ФОНАРЕЙ. ПИСЬМО БЕЗ ОТВЕТА

АЛЁНА СЕВЕРИНА

Алёна Северина

**Дворец забытых фонарей.
Письмо без ответа**

«Автор»

2026

Северина А.

Дворец забытых фонарей. Письмо без ответа / А. Северина —
«Автор», 2026

В городе Янтарный Берег героиня Вера Бережная сталкивается с тайного городского архива. Ей помогает и одновременно препятствует Артём Мельник. Главный объект этой книги: «Дворец забытых фонарей. Письмо без ответа». Центральный вопрос: позволительно ли использовать чужое согласие ради общей безопасности?

© Северина А., 2026

© Автор, 2026

Алёна Северина

Дворец забытых фонарей.

Письмо без ответа

Глава 1. Наследство или письмо

Вера Бережная не любила получать чужие вещи без описи.

Вещь без описи легко становилась чьей угодно: наследством, уликой, случайной находкой. Иногда — поводом не задавать вопрос, от которого зависело, кому она принадлежит на самом деле.

Поэтому, когда нотариус придвинул к ней через стол узкую деревянную коробку, Вера не протянула руку.

— Вы сказали, что это оставила моя тётка.

— Именно так, — подтвердил нотариус. — Вера Павловна Бережная. Завещание простое: коробку передать племяннице, лично в руки.

— А что в ней?

Он поднял брови, будто вопрос был неуместным.

— Не знаю. Она принесла её запечатанной. Я не вскрывал.

Коробка была обтянута потемневшей тканью. На крышке сохранился прямоугольник светлее остального — след от снятой наклейки или бумажной этикетки. Один угол обшивки разошёлся, под тканью виднелась древесина. Ничего старинного или ценного на первый взгляд. Из тех вещей, которые можно найти в нижнем ящике письменного стола и забыть там на годы.

Именно поэтому Вера смотрела на неё внимательно.

Она знала тётку только по двум письмам и одной короткой встрече, случившейся много лет назад. Вера Павловна тогда приехала в Янтарный Берег, чтобы уладить дела покойного отца, и весь вечер просидела у окна, почти не притронувшись к чаю. Она говорила тихо, отрывисто, с неприятной привычкой заканчивать разговор прежде, чем собеседник успевал ответить. После отъезда больше не писала.

— Я могу отказаться, — сказала Вера.

— Разумеется. Тогда я отмечу, что вы не приняли предмет, и он будет передан в установленном порядке.

— Каком именно?

Нотариус взглянул на неё поверх очков.

— Вера Андреевна, это всего лишь коробка.

— Пока мы не знаем, что внутри, вы не можете уверенно говорить, что это всего лишь коробка.

Он помолчал, затем вынул из папки лист и развернул к ней. Завещательное распоряжение было коротким. Фамилия, имя, дата, подпись. Тётка просила передать коробку племяннице, не вскрывая и не уничтожая. Ни слова о содержимом, ни объяснения, почему предмет не должен попасть к кому-то ещё.

Вера прочитала лист дважды. Подпись была угловатой, с резким нажимом на последнем штрихе. В памяти всплыло сухое движение тёткиной руки, когда та поправляла чайную ложку на блюде: будто даже ложку следовало поставить точно на её место.

— Здесь нет запрета на вскрытие после передачи мне, — заметила Вера.

— Для вас — нет. Я обязан передать её невскрытой.

— И нет распоряжения хранить коробку.

— Нет.

— Тогда на каком основании вы считаете, что должны передать её именно мне?

Нотариус снова постучал пальцем по листу.

— На основании этого распоряжения.

Вера взглянула на коробку. Хотелось спросить, откуда тётка узнала её нынешний адрес, кто принёс вещи в нотариальную контору и почему в завещании не названы никакие другие родственники. Но прежде следовало решить то, что лежало перед ней.

— Я приму её с условием, что вы заверите передачу письменно и укажете состояние упаковки.

Нотариус вздохнул, но бланк достал. Вера прочла и его: дата, место, подписи, один предмет в закрытой упаковке. В строке «описание» он написал: «деревянная коробка, обтянутая тканью, без видимых повреждений». Вера зачеркнула последние три слова и вписала: «обшивка разошлась на одном углу; след снятой этикетки на крышке».

— Вы всегда так? — спросил нотариус, когда она поставила подпись.

— Только когда речь идёт о вещах, которые кто-то старался не описывать.

Коробка оказалась легче, чем выглядела. Вера убрала её в сумку, застегнула молнию и вышла на улицу.

Янтарный Берег встретил её мокрым ветром. Дождь успел пройти до её приезда, но вода ещё держалась в стыках брусчатки. На противоположной стороне улицы женщина, согнувшись над тележкой с цветами, укрывала букет газетой. Набережная тянулась вниз, к серой полосе воды, за которой расплывались краны порта.

Вера не спешила домой. Сначала она зашла в кафе на углу, взяла чёрный кофе и села спиной к стене. Так было удобнее наблюдать за входом и не ждать, что кто-нибудь подойдёт сзади. Коробку она поставила на соседний стул. Ткань на крышке казалась почти чёрной в тусклом свете, но на краю различался тёмно-зелёный оттенок.

Изнутри дерева потянуло сухой пылью. Вера провела пальцем по разошедшемуся углу и нащупала под тканью что-то твёрдое. Не щепку. Тонкую пластину, похожую на металлический язычок.

Распечатывать здесь она не собиралась, но передумала.

Сначала осмотрела замок. Его не было. Коробку держали две маленькие застёжки, одна из которых, левая, оказалась отогнута. Не сломана — осторожно отогнута так, чтобы её можно было снова защёлкнуть. Вера подняла крышку.

Внутри лежало сложенное письмо, перевязанное ниткой, и латунный ключ на простом кольце. Под ними — пустой прямоугольный паз, выстланный выцветшим синим бархатом. Вера не стала вытаскивать ни письмо, ни ключ. Сначала сфотографировала коробку в раскрытом виде, затем сняла общий план и крупно — пустое гнездо. На крышке, прямо над ним, кто-то процарапал три слова:

«Дворец забытых фонарей».

Ниже, мельче и менее уверенно, было добавлено:

«Письмо без ответа».

Вера перечитала надписи. Она не знала такого дворца. В Янтарном Береге было достаточно зданий, которые местные называли дворцами, хотя прежде они служили складами, доходными домами или административными конторами. Но сочетание этих слов звучало не как название из путеводителя. Скорее как подпись к вещи, которую хотели найти.

Телефон завибрировал на столе. Незнакомый номер.

— Вера Андреевна Бережная? — спросил мужской голос.

— Кто говорит?

— Артём Мельник. Мы встречались сегодня утром у нотариуса. Я работаю с документами для городского архива.

Она вспомнила мужчину в сером пальто, стоявшего у лестницы. Он тогда смотрел не на неё, а на коробку. Вера решила, что он ждёт своей очереди.

— Что вам нужно?

— Мне сказали, вы приняли вещь Веры Павловны. Я хотел бы поговорить о ней до того, как вы её вскрыете.

— Вы опоздали.

В трубке на секунду стало тихо.

— Что вы нашли?

— А почему вас это интересует?

— Потому что из этой коробки пропал архивный документ.

Вера взглянула на пустое гнездо.

— Какой предмет?

— Это сложнее объяснить по телефону.

— Попробуйте.

— Я не прошу отдавать мне коробку. Пока. Но внутри неё, вероятно, лежало дело. Маленькая папка с перепиской. Если её нет, значит, её вынули до передачи.

Вера посмотрела на латунный ключ. Он лежал без движения, самый обычный ключ — потертый, с одной неглубокой бороздкой на конце. Таких могли быть десятки.

— Вы уверены, что папка была внутри?

— Да.

— Кто видел её последним?

— Я.

— И вы не заметили, что она пропала?

Теперь пауза была длиннее. За окном тележка с цветами наконец тронулась с места.

— Заметил, — сказал Мельник. — Но не сразу.

Вера коснулась пальцем отогнутой застёжки. Теперь она видела её иначе. Не как след небрежного хранения, а как аккуратное действие. Кто-то успел открыть коробку, вынуть то, за чем пришёл, и закрыть её так, чтобы внешне ничего не изменилось.

— Когда вы поняли, что папки нет?

— Сегодня утром.

— А когда коробка попала к нотариусу?

— Вчера. Её привезли из архива.

— Кто?

— Сейчас я выясняю, кто открывал коробку.

— Я спросила не об этом. Кто передал её нотариусу?

— Я знаю, кто передал, — сказал он, так и не назвав имени. — Не знаю, кто открыл коробку.

Вера перевела взгляд на дверь кафе. Никто не входил. Бариста протирал стойку, не поднимая головы.

— Что было в папке?

— Письмо. И лист согласия.

— Чьего согласия?

— Этого я не могу обсуждать по телефону.

— Тогда вы позвонили не за тем, чтобы сообщить мне важное. Вы позвонили, чтобы понять, что я обнаружила.

— Да, — ответил Мельник. — И ещё чтобы предупредить: если вы уже нашли письмо, не передавайте его никому, пока не узнаете, кому оно адресовано.

Вера медленно закрыла крышку коробки.

— Вы ведь понимаете, как это звучит?

— Понимаю.

— Вы просите меня не отдавать вещь, которую я унаследовала, но не объясняете, почему.

— Я прошу вас не позволять превратить чужое письмо в доказательство без согласия того, кому оно принадлежит.

Она чуть не рассмеялась, но не стала. В словах Мельника слышалось не бахвальство и не угроза. Скорее усталость человека, который слишком поздно понял, что его молчание тоже было поступком.

— Приходите, — сказала Вера. — Через двадцать минут. Назовёте, что именно пропало, и объясните, почему письмо до сих пор здесь, а папки нет.

— Где вы?

— Кафе «У причала», на Советской.

— Я знаю.

Связь оборвалась.

Вера убрала телефон и посмотрела на коробку. Теперь её осторожность не казалась преувеличенной. Пустое гнездо было не просто следом утраты: его выстилали так, будто предмет вынимали и возвращали не раз. На синем бархате осталась узкая светлая полоса — место, где лежала папка. Коробка была обычной, дешёвой, почти неприметной. Но кто-то счёл нужным отыскать её, открыть и забрать содержимое прежде, чем она попала к Вере.

Через двадцать минут в кафе вошёл Артём Мельник. Он не стал садиться, пока Вера не указала на свободный стул. Снял пальто, повесил на спинку и первым делом посмотрел на закрытую коробку.

— Вы говорили, там было письмо, — сказала Вера.

— Да.

— Оно сохранилось.

Артём задержал взгляд на её лице, потом сел.

— Тогда тот, кто взял папку, забрал не всё.

— Или не знал, что искать.

— Возможно.

— А если знал?

Он не ответил сразу. Вера увидела, как он сжал пальцы, потом разжал.

— Тогда он хотел оставить вам выбор, — сказал Артём.

— Выбор между чем?

— Прочитать письмо и решить, чьё согласие можно использовать.

Вера посмотрела на него поверх коробки.

— Вы ещё не назвали того, кто пострадал первым.

Артём отвёл глаза к окну, где дождь снова начинал чертить тонкие дорожки по стеклу.

— Я назову, — сказал он. — Но сначала покажите мне письмо.

Вера не стала сразу протягивать письмо. Она вынула его из коробки двумя пальцами, положила на чистую салфетку и развернула так, чтобы Артём мог видеть только край листа.

Бумага была плотной, желтоватой, с неровным обрезом. На сгибе проступила тонкая рыжая полоса — не ржавчина, скорее след от металлической скобы или старой папки. В левом верхнем углу стояла дата: 17 октября 1998 года. Ниже — обращение, написанное от руки.

«Господину Л. В. Ратникову».

Артём едва заметно вздрогнул.

— Вы знаете это имя?

— Знаю фамилию.

— Кто такой Ратников?

— В девяносто восьмом он руководил городским отделом благоустройства. До этого был заместителем председателя комиссии по переименованию улиц.

— А потом?

— Потом ушёл в область. Через два года погиб в аварии.

Вера осторожно развернула лист полностью. На полях сохранились следы карандаша, почти стёртые ластиком. Письмо занимало одну страницу, но строки были тесными, будто автор боялся не успеть закончить.

— Читайте, — сказала она. — Только не прикасайтесь.

Артём не спорил. Он наклонился, не касаясь стола.

— «Леонид Викторович. Я не согласна, чтобы моё имя внесли в протокол как подтверждение решения, которого я не принимала. Я приходила в архив не для того, чтобы дать разрешение на передачу дела. Мне сказали, что подпись нужна для сохранения дома и что без неё документы исчезнут. Но если сохранение требует, чтобы меня заставили молчать, это уже не сохранение».

Он замолчал.

— Дальше.

— «Вы обещали, что письмо будет приложено к делу и останется вместе с ним. Верните мне моё заявление. Я не хочу, чтобы после моей смерти кто-нибудь решил, будто я согласилась. Если ответа не будет до двадцать пятого числа, я обращусь в прокуратуру».

Последняя строка была зачёркнута. Под ней другим почерком, синими чернилами, появилось: «Ответ получен устно».

Вера долго смотрела на эту запись.

— Это не подпись.

— Нет.

— И не ответ.

— Нет.

— Тогда почему письмо лежало в вашей коробке?

Артём провёл взглядом по краю листа.

— Потому что коробка принадлежала не мне.

— Вы сказали, что знали, кто передал.

— Передал её мой отец.

Вера подняла глаза.

— Ваш отец работал в архиве?

— В городском управлении. В отделе имущества. Иногда его привлекали к комиссиям, когда речь шла о зданиях без оформленного владельца.

— А письмо откуда у него?

— Не знаю.

— Вы не спрашивали?

— Спрашивал. Он сказал, что это чужая вещь и мне лучше не вмешиваться.

— И вы не вмешались.

На этот раз он не отвёл взгляда.

— Мне было двадцать два. Я тогда думал, что невмешательство — это способ не сделать хуже.

— А теперь?

— Теперь я знаю, что иногда это просто удобное название для страха.

Вера перевернула письмо. На обороте не было ни адреса, ни печати. Только маленький прямоугольный след, оставшийся от приклеенного ярлыка. Она достала из папки увеличительное стекло, которое носила с собой после нескольких неприятных историй с копиями документов, и поднесла его к бумаге.

В нижнем углу проступили две буквы: «Ф.З.».

— Что это?

Артём наклонился ближе.

— Возможно, шифр фонда.

— Возможно?

— В архиве у каждого собрания был индекс. Но «Ф.З.» я не помню.

— А «Дворец забытых фонарей»?

Он посмотрел на неё резко, словно она назвала не заголовок, а фамилию человека.

— Откуда вы это взяли?

— Это написано на крышке коробки.

Артём медленно выпрямился.

— В архивных описях такого фонда нет.

— А папка из коробки пропала. Может, надпись связана с ней?

— Возможно. Папка могла быть внутренней. Не внесённой в общий реестр.

— Тогда кто знал о ней?

— Те, кто её создавал.

— Среди них был ваш отец?

— Не знаю.

— Но вы уверены, что письмо связано с архивом.

— Уверен.

Вера заметила, как бариста поставил на соседний стол чашку, хотя посетитель там уже ушёл. Мужчина за стойкой тут же отвернулся, делая вид, что ищет сдачу в ящике. На стекле за его спиной отражалась входная дверь. Вера увидела в отражении серую куртку и тёмную шапку. Человек стоял снаружи, под навесом, не заходя в кафе.

— Не оборачивайтесь, — тихо сказала она.

Артём понял не сразу, но подчинился.

— Кто?

— Кто-то наблюдает за дверью.

— Вы уверены?

— Нет. Поэтому и не оборачивайтесь.

Она сложила письмо, но не убрала его в коробку. Вместо этого достала телефон и открыла камеру. Навела объектив на окно, будто проверяла уведомления, и сделала снимок отражения.

Человек в серой куртке исчез.

— Сколько времени он был там? — спросил Артём.

— Не знаю.

— Вы видели его лицо?

— Нет.

Артём встал.

— Сядьте, — сказала Вера.

— Я только посмотрю.

— Вы сказали, что не хотите сделать хуже.

Он остановился. Впервые за весь разговор в его лице мелькнуло раздражение.

— Если это человек из архива, он мог узнать меня.

— Именно поэтому вы останетесь здесь.

— А если он уйдёт?

— Тогда уйдёт. Мы не будем устраивать погоню из-за фотографии, на которой половина лица закрыта дождём.

Артём сел, но напряжение не исчезло. Он достал из внутреннего кармана сложенный лист.

— Это копия описи, — сказал он. — Я нашёл её неделю назад в старом шкафу отца. Там есть номер, которого нет в электронном каталоге.

Вера не взяла лист.

— Вы принесли его с собой?

- Да.
- Почему не показали сразу?
- Потому что хотел сначала понять, насколько вы уже вовлечены.
- Вы пришли проверить, можно ли мне доверять?
- Я пришёл проверить, не используют ли вас.
- Это не одно и то же.
- Я знаю.

Он положил копию на салфетку рядом с письмом. В строке, напечатанной на машинке, значилось: «Ф.З.—4. Материалы по домовладениям, исключённым из реестра. Доступ по письменному согласию заявителя».

Ниже красным карандашом было приписано: «Письмо без ответа. Не выдавать».

Вера почувствовала, как внутри всё становится холодным и ясным.

— Заявительница, — сказала она. — Это она?

— Да.

— Вы знаете её имя?

Артём кивнул.

— Марина Воронцова. Ей принадлежал дом на улице Фонарной, двадцать четыре.

— Принадлежал?

— По документам — нет. В девяносто восьмом дом признали бесхозным. Через месяц его передали частной строительной компании.

— А Марина Воронцова?

— Она жила там одна.

— Жила?

— После передачи дома её выселили. Через три недели она пропала.

Вера снова посмотрела на письмо. Теперь рыжая полоса на сгибе напоминала ей не ржавчину, а след крови, давно впитавшейся в бумагу. Она заставила себя отвести взгляд: жалость не могла заменить доказательство.

— Если она пропала после выселения, почему письмо осталось в архиве? — спросила Вера.

— Потому что его не зарегистрировали.

— Откуда вы знаете?

— В журнале входящих за октябрь нет ни её имени, ни номера заявления.

— А запись «ответ получен устно» кто сделал?

Артём посмотрел на красную пометку.

— Мой отец.

Вера не сказала ничего. За окном по мокрой Советской проехал автобус, подняв у бордюра мутную волну. Серый человек не появился снова.

— Вы были там, когда он это писал? — спросила она.

— Нет.

— Тогда откуда уверенность?

— Подпись я видел много раз.

— Это не ответ.

— Я знаю.

Артём сжал копию описи.

— Я видел Марину Воронцову один раз. В день, когда её вывели из дома. Она стояла у калитки и держала в руках жестяную коробку. На ней была записка, приколотая к крышке. Она сказала отцу, что внутри лежит ключ и письмо. Он забрал коробку и велел мне отвезти её в управление.

— И вы отвезли?

- Да.
- Кому передали?
- Секретарю комиссии.
- Фамилия?
- Нина Павловна Левина.
- Она жива?
- Не знаю.

Вера убрала письмо в прозрачный конверт, затем положила рядом копию описи.

- Теперь вы понимаете, почему я не отдам это вам?

— Да.

- И почему не понесу в полицию прямо сейчас?

— Потому что пока у нас письмо без регистрации и копия без оригинала.

— Не только поэтому. Если я передам документы человеку, который уже однажды решил, что устного ответа достаточно, я повторю чужую ошибку.

Артём посмотрел на неё внимательно.

- Что вы собираетесь делать?

— Установить, кому принадлежит подпись под отказом. Найти журнал входящих. И проверить, действительно ли Марина Воронцова пропала, а не получила другое имя после выселения.

- Вам понадобится доступ к архиву.

— Вам тоже.

- Меня туда не пустят.

— Тогда найдите того, кто пустит.

Он усмехнулся без радости.

- Вы быстро распоряжаетесь чужими возможностями.

— Я не распоряжаюсь. Я предлагаю выбор.

Артём опустил глаза на письмо.

- А если я откажусь?

— Я всё равно продолжу. Просто без вашей памяти о том дне.

Он помолчал, потом достал из коробки ключ. Маленький, латунный, с плоской бородкой и круглым ушком. Самый обыкновенный ключ от старого внутреннего замка.

— Я помню его с тех пор, когда отвозил документы, — сказал он. — Думал, что он от подсобики. Только сейчас заметил, что на бородке выбит номер.

Вера поднесла ключ к свету. На металле действительно виднелось: «24».

- Дом на Фонарной, двадцать четыре, — сказала она.

— Дом снесли семь лет назад.

- Значит, ключ открывает не дверь.

Артём впервые за вечер позволил себе посмотреть на неё прямо.

- Я тоже так подумал.

Вера закрыла конверт и убрала его во внутренний карман сумки. Ключ она не взяла.

- Он останется у вас.

— Почему?

— Потому что пока неизвестно, что вы сделали с ним тогда. И что готовы сделать сейчас.

Артём кивнул, принимая это без обиды.

Они вышли из кафе порознь. Вера задержалась у двери, проверяя улицу. Под навесом никого не было, но на мокром асфальте виднелись свежие следы, ведущие к переулку за почтой. Артём заметил их тоже.

- Вы всё ещё считаете, что это случайность? — спросил он.

— Нет.

— Тогда почему не вызвать полицию?

Вера посмотрела на серое небо над крышами Янтарного Берега.

— Потому что теперь у нас есть не только человек у окна, но и документ, который кто-то очень старался не зарегистрировать. Сначала нужно понять, кого он защищает.

Они пошли к Советской, сохраняя между собой несколько шагов. У перекрёстка Артём остановился и достал телефон.

— Я нашёл адрес Нины Левиной, — сказал он. — Она живёт на улице Мельничной. В доме, который раньше принадлежал городскому архиву.

— Завтра утром?

— Сегодня.

Вера посмотрела на часы. До закрытия районного отдела оставалось меньше часа.

— Сначала найдём журнал, — сказала она. — Потом пойдём к Левиной.

— А если журнал уже исчез?

— Тогда это будет первым доказательством, которое исчезло после нашего разговора.

Артём убрал телефон и пошёл рядом. На его ладони блеснул латунный ключ с выбитым номером двадцать четыре.

До районного отдела они дошли за двенадцать минут. Вера поднялась по ступеням первой и придержала тяжёлую дверь, пока Артём убирал телефон. Внутри пахло мокрой шерстью, пылью и чем-то сладким, похожим на пережаренный чай. За стеклянной перегородкой сотрудница в сером кардигане уже складывала бумаги в стопку.

— Мы по журналу входящих, — сказала Вера, показав письмо. — За такой-то период. Нужна регистрация обращения Марины Воронцовой.

Женщина посмотрела на часы над дверью, потом на письмо. Взгляд задержался на подписи под отказом.

— У нас приём до шести.

— Сейчас без десяти.

— Тогда вам повезло.

Она не улыбнулась, но открыла боковую дверь и провела их к шкафам. Артём остался у порога, будто не был уверен, что имеет право войти. Вера заметила это и не стала его подталкивать.

— Какой год? — спросила сотрудница.

Вера назвала дату, указанную на письме.

— Старые журналы внизу. Если дело передавали в городской архив, у нас останется только отметка о выбытии.

— Этого достаточно, чтобы понять, куда его отправили?

— Иногда. Если отметка есть.

Она поставила на стол толстую книгу в тёмно-зелёном переплёте. Края страниц потемнели, на корешке белела наклейка с годом. Вера надела выданные перчатки, но сотрудница покачала головой:

— Не надо. Они бумагу рвут. Только руки чистые.

Вера сняла перчатки. Пальцы у неё были холодными после улицы, и первые страницы слушались неохотно. Она перелистывала их медленно, сверяясь с датой в письме. Артём подошёл ближе и остановился у края стола.

— Я могу поискать по фамилии? — спросил он.

— Можете смотреть, — ответила сотрудница. — Только ничего не вынимать.

Он склонился над соседним разворотом. Они работали молча: Вера читала записи, Артём следил за исходящими отметками. Чужие фамилии выстраивались в ровные ряды, рядом стояли короткие пометки: «передано», «возвращено», «не по адресу». Некоторые строки были выскоблены так тщательно, что на бумаге оставались лишь блестящие борозды.

На нужной странице Вера остановилась.

— Здесь.

В графе входящих значилось обращение от Марины Воронцовой. Дата совпадала. Номер — сорок семь. В соседней графе стояла отметка: «Ответ подготовлен». А ниже, в поле для выдачи, не было ни подписи, ни даты.

— Куда делся ответ? — спросил Артём.

Сотрудница наклонилась над книгой.

— По журналу — никуда. Он должен храниться в папке исходящих.

— Можно её посмотреть?

— Если папка сохранилась.

Она принесла ещё одну книгу, потоньше. В ней номер сорок семь повторялся рядом с той же фамилией, но дата отправки была вписана другим почерком — через девять дней после обращения. Получатель указан не Воронцовой, а «представителю по доверенности». Имени не было.

Вера провела ногтем вдоль строки, не касаясь чернил.

— Значит, письмо могли выдать другому человеку.

— Или записать так, будто выдали, — сказал Артём.

Сотрудница резко посмотрела на него.

— Вы не первый, кто находит в старых бумагах несостыковки. Это не доказывает подделку.

— Мы и не утверждаем, — ответила Вера. — Пока.

На полях напротив записи стояли инициалы: «Н. Л.». Вера достала из сумки блокнот и аккуратно переписала их. Рядом с инициалами проступал след от печати, но сама печать отсутствовала.

— Вы знаете, кто тогда вёл исходящие? — спросила она.

Сотрудница пожала плечами.

— Список сотрудников где-то есть. Но это уже не здесь. И папки за этот год, кажется, сдали на хранение.

— Куда?

— В городской архив.

Артём чуть заметно повернулся к Вере. У них было то же направление, но теперь и причина стала точнее.

— Ваша отметка о передаче тоже должна быть? — спросила Вера.

Сотрудница нашла ещё один том. Папка исходящих за нужный месяц была внесена в список к передаче, но дата передачи оставалась пустой. В графе примечаний стояло: «комплект неполный».

— Вот, — сказала Вера. — Её собирались передать, но непонятно, передали ли.

— Или часть документов изъяли до передачи, — негромко сказал Артём.

— Это уже предположение.

— Да.

Он не стал спорить. Вера впервые за вечер заметила, что ему легче признавать границы знания, чем пытаться заполнить их догадками.

Сотрудница закрыла книгу, но Вера попросила сделать копию нужного разворота. Та отказалась: старые журналы не копировали без официального запроса. Тогда Вера записала номер дела, дату, страницу и фамилию сотрудницы, которая предоставила книги. Не как обвинение — как фиксацию источника.

Когда они вышли из отдела, часы над входом показывали шесть минут седьмого. Дождь усилился. Артём раскрыл зонт, но Вера осталась под козырьком.

— «Представителю по доверенности», — сказала она. — Если доверенность настоящая, где она?

— В деле. Если дело целое.

— А если нет?

— Тогда искать того, кто подписывал выдачу.

Вера посмотрела на записанные инициалы.

— Н. Л. Нина Левина?

— Может быть. Адрес, который я нашёл, — её.

— Ты уверен, что это та же Нина?

— Нет. В справочнике указана Нина Павловна Левина. Больше данных нет.

— Значит, не будем приходить с обвинением.

— Я и не собирался.

— Собирался, когда сказал «изъяли».

— Сказал как возможность.

— Возможность тоже меняет разговор, если произнести её первой.

Артём сложил зонт. Вода с края стекла капнула ему на рукав.

— Понял.

Они пошли к Мельничной. У перекрёстка Вера остановилась у газетного киоска и купила дешёвый прозрачный файл. В него она убрала листок с записями, чтобы чернила не расплылись. Этот обычный предмет вдруг показался ей важнее конверта: не доказательство, не ключ, всего лишь способ донести бумагу до места, где её можно будет сравнить с другой.

Дом Нины Левиной стоял в глубине двора. Старое здание из тёмного кирпича выглядело скромнее, чем на фотографии в справочнике. Над входом сохранилась каменная надпись: «Городское архивное собрание». Вера остановилась, разглядывая буквы.

— Раньше здесь был архив? — спросила она.

— До переезда, — ответил Артём. — Потом здание отдали под жильё.

— А часть бумаг осталась?

— Не знаю.

На первом этаже горело окно. Они поднялись на второй. Нужная дверь была выкрашена в синий цвет, у порога стояли аккуратно поставленные резиновые сапоги. Вера постучала один раз и подождала.

За дверью что-то задели, потом долго поворачивали замок. Наконец появилась женщина лет шестидесяти с короткими седыми волосами. Она посмотрела на Веру, затем на Артёма — и задержала взгляд на его лице.

— Вы из городской службы? — спросила она.

— Нет, — ответила Вера. — Меня зовут Вера Бережная. Мы ищем сведения об обращении Марины Воронцовой.

Левина не открыла дверь шире.

— Я не знаю такой.

— В журнале за тот год рядом с её письмом стоят инициалы «Н. Л.». А ответ отправили представителю по доверенности, но имени в записи нет.

Лицо женщины изменилось не сильно. Только пальцы, державшие край двери, сжались.

— Кто вам показал журнал?

— Районный отдел. Запись есть. Мы не знаем, что она означает.

Левина посмотрела на Артёма.

— А вы?

— Артём Мельник.

— Мельник, — повторила она. — Вы ведь привозили сюда бумаги.

Он не отвёл глаз.

— Да.

— Тогда вам следовало прийти раньше.

— Следовало.

Между ними повисла пауза. Вера не стала спрашивать, что именно Левина имела в виду. Не здесь, не у закрытой двери и не так, чтобы ответ стал платой за признание Артёма.

Женщина отступила на полшага, но цепочку не сняла.

— Марина просила не искать её, — сказала она. — Я не собираюсь нарушать её волю.

— Мы не просим сообщать, где она, — ответила Вера. — Мы хотим понять, что случилось с её письмом.

— Это одно и то же.

— Не обязательно. Если кто-то воспользовался доверенностью без её согласия, молчание может защитить не её, а того, кто это сделал.

Левина долго смотрела на Веру. Потом перевела взгляд на Артёма, будто ждала, что он скажет за неё. Он молчал.

— Подождите здесь, — сказала женщина и закрыла дверь.

За ней послышались шаги. Артём опустил руки, хотя всё ещё держал ключ в ладони. Вера видела выбитую цифру двадцать четыре, но не спросила, зачем он достал его. На этот раз она не собиралась делать вывод раньше, чем появится документ.

Щёлкнул замок. Дверь снова открылась, цепочка теперь была снята.

— Входите, — сказала Левина. — Только без обещаний, что вы сумеете всё исправить. Я таких обещаний уже слышала достаточно.

В прихожей пахло мокрой шерстью и яблочной кожурой. Левина пропустила их в комнату, но сама осталась у двери, словно хотела убедиться, что никто не войдёт следом.

— Пальто можете повесить туда, — сказала она Вере. — А вы, Артём, проходите так. Вам здесь всё равно уже знакомо.

Он снял куртку, но не ответил. На стене напротив висела фотография: молодой мужчина в форменной куртке стоял у железных ворот, придерживая ладонью велосипед. На обороте, заметном под стеклом, проступала короткая надпись: «Никите. Янтарный Берег, 2009».

Левина проследила за взглядом Веры.

— Сын, — объяснила она. — Он давно уехал.

В комнате было тесно от книжных шкафов. На столе лежали разложенные квитанции, очки и старый конверт с синей полосой по краю. Левина придвинула его к себе, не предлагая гостям сесть.

— Вы говорили об обращении Марины, — сказала она. — Что именно хотите узнать?

— Когда письмо приняли, кому передали и кто получил ответ, — перечислила Вера. — Не адрес Марины. Не то, где она сейчас. Только путь документов.

— Путь документов, — повторила Левина. — Так это у вас называется?

— В архиве — да.

— А у неё это называлось иначе. Она просила не отвечать за неё. Не передавать её слова тем, кому она не давала разрешения.

Вера не торопилась заполнять паузу. Артём тоже молчал. Он стоял у шкафа, не приближаясь к столу, и смотрел на конверт.

Левина наконец опустилась на стул.

— Марина пришла ко мне с письмом. Не просила спрятать его навсегда. Хотела, чтобы оно было зарегистрировано, но не открыто для посторонних. Там было сказано, что она согласна на разговор только при одном условии: без представителя от городской службы. Я записала её слова в журнал. Потом мне принесли доверенность.

— Кто принёс? — спросила Вера.

— Не помню.

— Мужчина или женщина?

— Мужчина. В пальто. Он сказал, что действует по поручению Марины, что она передумала и просит направить ответ ему. Доверенность выглядела правильно. Печать была. Подпись тоже.

— Вы проверили её у Марины?

Левина резко посмотрела на Веру.

— Нет. Я поверила бумаге.

В этих словах не было попытки оправдаться. Только усталость, которую уже некуда было прятать.

— А ответ? — спросил Артём.

— Отправили тому человеку. По указанному адресу. Через несколько дней я увидела в журнале отметку о вручении.

— А письмо Марины?

— Вернули ей. Или должны были вернуть. Я не знаю.

Левина сняла очки и протёрла их краем кофты.

— Я думала, что поступила правильно. Не хотела заставлять её идти туда, куда она не собиралась. Решила, что у доверенного человека есть право говорить от её имени.

— Но она запретила это, — сказала Вера.

— Да.

Левина произнесла это тихо, но взгляд не отвела. Вера заметила, как Артём сжал ключ в ладони. Тот самый, с выбитой цифрой. Он не пытался скрыть его теперь, однако и не положил на стол.

— Вы говорили, что Мельник привозил сюда бумаги, — сказала Вера. — Какие именно?

— Коробки из старого собрания. Описи, журналы, папки. Он помогал переносить то, что не успели разобрать до переезда.

— И потерял их?

— Не все.

Артём шагнул от шкафа.

— Я не терял коробку с журналом доверенностей, — произнёс он. — Я передал её заведующему отдела. Но не проверил, что внутри.

— Ты обещал проверить, — сказала Левина.

— Да.

Он не стал добавлять ничего в свою защиту. Вера заметила, что Левина смотрит на него уже не как на человека, который просто опоздал. Она ждала признания, но не собиралась облегчать ему задачу.

— Какой журнал? — спросила Вера.

Левина наклонилась к столу и достала из нижнего ящика тонкую тетрадь в серой обложке. Обложка была потёрта по углам, одна сторона надорвана и прихвачена бумажным скотчем. Левина положила тетрадь перед собой, но пальцы с коричневыми пятнышками остались на ней.

— Это не тот журнал, который показывали вам в отделе. Это моя копия. Я переписывала входящие и исходящие письма для себя. Там есть номер доверенности. И адрес, куда отправили ответ.

Вера не потянулась к тетради.

— Можно посмотреть?

Левина помедлила, затем развернула её к Вере. На странице тесно стояли даты, фамилии и короткие отметки. Возле записи «Воронцова М. С.» был вписан номер документа и адрес на улице Старых Маяков, дом двадцать четыре. В графе получателя значилось: «Представитель, по доверенности».

Вера прочла строку ещё раз.

— Это тот адрес, который сейчас указан в деле?

— Не знаю, — сказала Левина. — Я никогда туда не ездила.

Артём посмотрел на ключ в своей руке. На мгновение его лицо стало неподвижным, почти пустым.

— Ты знал про адрес? — спросила Вера.

— Нет. Я знаю этот дом. Там был архивный склад.

Левина убрала ладонь с тетради.

— Какой склад?

— Маленькое помещение при бывшем отделе регистрации. Номер двадцать четыре. Я возил туда коробки в год переезда.

— И что там теперь? — спросила Вера.

— Не знаю. Его закрыли. Потом помещения передали городу.

— Ты мог проверить.

— Мог.

Он произнёс это без раздражения, и оттого признание прозвучало тяжелее. Вера не стала спрашивать, почему он не проверил раньше. Пока у неё была только запись в копии журнала и знание Артёма о помещении. Этого хватало для следующего шага, но не для обвинения.

Левина поднялась и подошла к шкафу. Вернувшись к столу, она взяла конверт и положила его рядом с тетрадью.

— Это не письмо Марины, — сказала она. — Это то, что она оставила у меня перед тем, как уехать. Просила отдать, если кто-нибудь станет искать не её, а бумагу.

Внутри конверта оказался сложенный листок и узкая металлическая пластинка с пробитым отверстием. Листок был пустым, если не считать одной строки, написанной карандашом: «Не позволяйте им отвечать вместо меня».

Вера ощутила, как у неё холодеют пальцы. Не от мистического предчувствия — от простоты фразы, которую так легко было обойти, объявив, будто доверенность всё объясняет.

— Вы сохранили это, — сказала она.

— Да.

— А журнал могли уничтожить.

— Могли.

— Тогда копия — единственное, что связывает доверенность с адресом.

— Не единственное, — возразил Артём. — Если помещение ещё существует, там могут быть квитанции о доставке.

— Или ничего, — сказала Вера. — Мы не знаем.

Она посмотрела на Левину.

— Я не могу обещать, что мы найдём ответ. И не буду связываться с Мариной без её разрешения. Но мы можем установить, кто получил письмо и что сделал с ним дальше.

Левина села снова. На этот раз она придвинула тетрадь к Вере.

— Тогда возьмите копию записи. Оригинал останется у меня.

Вера переписала строку в блокнот, отдельно отметив дату, номер доверенности и адрес. Левина следила за каждым движением её ручки.

Когда они закончили, Артём всё ещё держал ключ.

— Он от двери склада? — спросила Вера.

— Возможно.

— Ты проверишь это при мне. И если дверь открывается, внутрь мы не войдём без разрешения владельца.

— Согласен.

Левина поднялась, чтобы проводить их. У порога она остановила Артёма.

— Если там найдёшь её письмо, не решай за неё, что с ним делать.

— Не буду.

— Ты уже однажды решил, что бумага важнее человека.

Артём побледнел, но не отвёл взгляда.

— Да.

Левина открыла дверь. Вера вышла первой, держа блокнот под локтем. Теперь у них был адрес и номер доверенности, но не было имени человека, который воспользовался правом говорить за Марину. А ключ в руке Артёма перестал быть случайной находкой: он мог открыть место, где ответ исчез из официальной записи и, возможно, обрёл другого получателя.

Глава 2. Правило, которого не было

До склада они дошли пешком: адрес Левиной помещался на одной стороне улицы, а ехать ради трех кварталов Вера не любила. Янтарный Берег к вечеру пах мокрым камнем и морской солью. Ветер тянул с набережной, загоня прохожих в воротники; над лавками зажигались фонари, один за другим, и каждый вспыхивал с короткой задержкой, словно город вспоминал, что должен светиться.

Артём шёл рядом, не пытаясь взять у Веры блокнот. Это было к лучшему. После разговора с Левиной любое движение в сторону ключа казалось ей преждевременным.

— Ты знаешь, кто такая Марина? — спросила она.

— Знал. Давно. Она работала в архиве при управлении, пока его не закрыли.

— В каком архиве?

— В обычном городском. По крайней мере, так он назывался на табличке.

Вера покосилась на него.

— А на деле?

— Часть документов туда передавали без регистрации. Иногда — чтобы сохранить, иногда — чтобы они исчезли из чужого доступа. Я не знаю, что именно происходило с письмом.

— Но предполагаешь.

— Да.

— Это не одно и то же.

Артём принял замечание без возражений. Он нёс ключ в сжатой ладони. Металл поблёскивал между пальцами.

— Я должен был рассказать тебе раньше, — сказал он.

— О Марине?

— О том, что видел её в архиве. И о своей ошибке.

— Ты уже назвал её ошибкой. Это пока только оценка.

Он не ответил. Вера не стала вытягивать признание. Если он хотел объяснить, пусть делал это сам. Сочувствие не означало, что она обязана торопить его к удобной версии.

Склад стоял за бывшей канатной мастерской, в глубине узкого проезда. Длинное кирпичное здание делили между собой мастерская рам, пункт ремонта лодочных моторов и пустующее помещение с заколоченными окнами. Номер над дверью совпадал с адресом в записи Левиной. На табличке осталось только выцветшее слово «Хранение».

— Ключ может быть от этой двери, — сказал Артём.

— Может быть. Это ещё не разрешение войти.

Он посмотрел на замок, потом на неё.

— Я помню, что ты сказала.

Вера подошла к двери, не касаясь её. Замок был современный, с царапинами вокруг скважины. Такой ключ мог подойти к внутреннему складу или старому боковому входу, которого с улицы не видно. На двери висела цепь с тяжёлым навесным замком.

Из мастерской напротив вышел мужчина в рабочем фартуке. Он вытер ладони ветошью и посмотрел на них.

— Ищете кого-то?

— Мы пытаемся выяснить, кто пользуется этим помещением, — сказала Вера. — У вас есть сведения?

— Если про склад, то он закрыт с весны. Хозяин сюда почти не приезжает.

— Кто хозяин?

— Городская контора вроде. Или уже не городская. Я не лезу. Мне и своей аренды хватает.

— Вы видели, кто сюда приходил?

Мужчина скомкал ветошь, помедлил.

— Иногда женщина. Невысокая, с серым шарфом. Не нынешней зимой, раньше. Приходила одна, обычно под вечер.

— Вы знаете её имя?

— Марина. Фамилии не знаю. Но я помню день, когда она перестала приходить.

Вера достала блокнот.

— Почему именно этот день?

— Потому что я тогда вызвал скорую. Она упала прямо в проезде. Не сильно ушиблась, но испугалась. Сказала, что спешила отнести письмо, а потом всё передумала. Я запомнил: человек не каждый день говорит такое незнакомцу.

Артём шагнул ближе.

— Когда это было?

Мужчина покачал головой.

— Число не назову. Бумаги могу показать. Я тогда записал вызов в журнал, чтобы объяснить, почему мастерская закрылась на два часа. Было девятое октября. Год — девятнадцать лет назад. Может, двадцать. Журнал дома, если надо.

Вера отметила дату. В блокноте Левиной стоял номер доверенности, а рядом — дата регистрации. Она раскрыла страницу и сверила записи. Между двумя датами проходило одиннадцать дней.

— Ты её узнал по описанию? — спросила она Артёма.

— Возможно, это та Марина, которую я знал.

— Лицо её я бы узнал, — сказал мастер.

— Вы могли бы поговорить с нами завтра? — спросила Вера. — Не о том, что предполагаете, а только о том, что помните и что записано.

Мужчина поглядел на Артёма.

— А это не проверка какая-нибудь?

— Нет, — сказала Вера. — Мы не полиция. Я разбираюсь в бумагах, которые оставила моя тётка. Возможно, ваши записи помогут понять, куда ушёл документ. Вы можете отказаться.

— Записи у меня старые. Не хочу, чтобы их забрали.

— Их никто не заберёт. Можно переписать нужную дату при вас.

Мужчина кивнул, но тревога с лица не ушла.

— Тогда утром. После девяти. Только имя моё без надобности не пишите.

— Хорошо.

Он вернулся в мастерскую. Вера закрыла блокнот и посмотрела на дверь склада.

— Теперь у нас есть очевидец и дата, — сказала она. — Но пока нет основания проверять замок.

— Я знаю человека в городской имущественной службе. Он может выяснить, кому принадлежит помещение.

— Пусть выяснит официально. Без звонков с просьбой сделать исключение.

— Сделаю.

— И не ходи к хозяину один.

Артём перевёл взгляд на ключ.

— Я не собирался.

— Ты уже собирался открыть дверь.

— Да. Но не стану.

Вера не стала благодарить его за то, что он принял очевидное условие. Вместо этого она снова проверила свои записи. Дата падения женщины совпадала с периодом, когда письмо, если верить словам Левиной, ещё могло находиться у Марины. Доверенность появилась позже. Кто-то получил право действовать от её имени уже после того, как она перестала ходить к складу.

— Завтра сначала посмотрим журнал, — сказала Вера. — Потом запросим документы о помещении и доверенности. Если даты не сойдутся, будем выяснять, почему.

— А если сойдутся?

— Тогда выясним, кому это было выгодно.

Артём разжал ладонь. Ключ оставил на коже красный след.

— Вера, если письмо там...

— Мы не решаем за Марину, что с ним делать.

— Даже если в нём есть что-то опасное?

— Особенно тогда. Опасность не превращает чужое согласие в наше имущество.

Он отвёл глаза к тёмным окнам склада. Вера заметила, как напряглась его челюсть, но не спросила, что именно он боялся там найти. Ответ всё равно пришлось бы проверять не по его страху, а по документам и свидетельствам.

Когда они вышли из проезда, у перекрёстка зажёгся фонарь. Артём остановился и посмотрел на ключ, будто только теперь понял: тот не открывал им путь. Он связывал их с местом, в которое нельзя было войти без чужого разрешения.

Вера записала в блокноте имя мастерской, время разговора и обещание свидетеля принести журнал утром. Затем убрала ручку.

Теперь у них был не только адрес. У них появилась дата, которая могла разрушить удобную версию прежде, чем та успела стать правдой.

Утром Янтарный Берег встретил их мелким дождём. Вода стекала по вывескам и собиралась в трещинах мостовой; у мастерской пахло мокрым деревом и остывшим углём.

Вера пришла за несколько минут до девяти. Артём уже ждал под навесом, не пряча ключ, но и не вертя его в пальцах. На воротах склада висел старый замок. Он выглядел таким обыкновенным, что Вера поймала себя на мысли: именно такие вещи чаще всего заставляли людей забывать, что у них есть хозяин.

Дверь мастерской открылась. Вышел вчерашний мужчина — худощавый, с седыми волосами, зачёсанными назад. Он кивнул Вере и задержал взгляд на Артёме.

— Вы вдвоём пришли.

— Мы договорились, что я не буду ходить к вам один, — сказал Артём.

— Я заметил.

Мужчина пустил их внутрь. В мастерской было тесно: вдоль стен стояли ящики с инструментами, на верстаке лежали разобранные настенные часы. Тиканье шло откуда-то из глубины, нестройное, будто каждый механизм отсчитывал своё время.

— Зовут меня Семён Костров, — сказал он. — Вчера вы не спрашивали.

— Вы просили не записывать имя без необходимости, — ответила Вера. — Сейчас я запишу его только в заметках о нашей беседе. Если потребуется передать сведения дальше, сначала скажу вам.

Костров посмотрел на неё внимательнее, потом выдвинул ящик под верстаком и достал толстую тетрадь в потёртом чёрном переплёте.

— Это не городской журнал. Мой. Я записывал, кто и когда приходил за ключами, пока ещё работал при складе. Потом попросили больше туда не ходить.

— Кто попросил? — спросил Артём.

— Хозяин помещения. Он сказал, что посторонние не должны иметь доступа. Я и не ходил.

Костров раскрыл тетрадь на заложённой бумажкой странице, однако прежде чем подвинуть её, придержал ладонью.

— Сначала объясните, зачем вам эта запись.

Вера не торопилась тянуться к чернилам.

— Мы проверяем, когда со склада могли забрать письмо Марины. Пока нам известно только, что она перестала туда приходить после падения. Позже кто-то действовал по доверенности от её имени. Нам важно понять, что случилось до этого.

— А если в письме было то, что Марина никому не хотела показывать?

— Тогда это её право. Мы не собираемся его отменять. Но кто-то мог воспользоваться её именем, чтобы получить или передать документ. Это уже другой вопрос.

Костров опустил взгляд на раскрытую страницу.

— Я видел не письмо. Я видел человека.

— Когда?

Он подвинул тетрадь. Вера наклонилась, не касаясь листа. Запись была сделана выцветшими чернилами: «18-е. Склад. Получил связку, вернул одну». Ни имени, ни подписи.

— Восемнадцатое какого месяца? — спросила она.

— Того самого. Я ставил дату на обложке новой тетради — можете проверить.

На первой странице стоял год, а под ним — короткая пометка о месяце. Вера сверила его с записью, сделанной у Левиной. Восемнадцатое было раньше даты доверенности.

Она достала свой блокнот.

— Вы уверены, что это относится к складу Марины?

— В тот день я был там. Смотритель дал человеку ключи от бокового входа. Тот вернул связку не полностью. Я спросил, не потерял ли что-нибудь. Он ответил: «Оставил там, где надо». Я записал это, потому что связку пришлось пересчитать.

— Вы узнали его?

Костров помедлил.

— Не сразу. Я видел его потом ещё два раза. Один — у нотариальной конторы, другой — возле остановки. Он был с женщиной. Она держалась за его руку, но шла сама. Лица я тогда не разглядел. А вот голос запомнил.

Артём чуть подался вперёд.

— Вы говорите о человеке, который получил доверенность?

— Я не знаю, кто получил доверенность. Я знаю, что мужчина назвался представителем Марины, хотя она сама его так не называла.

Вера подняла глаза.

— Когда он это сказал?

— В тот день, когда забирал ключи. Я спросил, почему не пришла Марина. Он ответил: «Теперь я за неё». Я подумал, что она заболела.

Тиканье часов вдруг стало отчётливым. Артём не сводил взгляда с короткой строки в тетради.

— Вы можете описать его? — спросила Вера.

— Высокий. Тёмное пальто, шрам возле уха. На правой руке перстень с тёмным камнем. Но я не поручусь, что вспомню лицо, если увижу.

Вера записала описание и остановилась.

— Ваша запись доказывает, что ключи выдали раньше доверенности?

— Она доказывает, что я отметил выдачу ключей восемнадцатого числа. Больше ничего. Я не хочу, чтобы вы приписывали ей то, чего там нет.

— Не будем.

Артём выпрямился.

— Если человек получил ключи раньше, он мог попасть внутрь до того, как получил право действовать от имени Марины.

Костров посмотрел на него без мягкости.

— Мог. Но я не видел, что он делал внутри.

— Понял.

— И не говорите потом, будто я видел.

— Не скажу, — ответил Артём.

Вера переписала строку дословно, отдельно отметив, что оригинал остался у Кострова. Потом попросила разрешения сделать копию страницы. Он согласился, но сам держал тетрадь раскрытой, пока она снимала лист на телефон.

Когда они вышли, дождь почти прекратился. Артём остановился у края тротуара.

— Это меняет последовательность.

— Да. Но пока не объясняет, кто был тот человек и зачем ему понадобилась связка.

— Я проверю запись о владельце склада.

— Официально?

— Через имущественную службу. Сегодня подам запрос.

— Тогда у нас есть следующая проверяемая точка.

Он достал телефон, но не стал звонить знакомому. Вместо этого открыл сайт городской службы и начал заполнять электронную форму.

Вера смотрела, как дождевые капли медленно сползают по стеклу витрины. Вчера ключ казался почти ответом. Теперь он был всего лишь частью цепочки: его выдали человеку, который назвался представителем Марины, прежде чем это право появилось на бумаге.

А значит, вопрос уже был не только в том, кто вошёл на склад. Кто-то заранее решил, что вправе войти за неё.

Форма не отправилась сразу. На экране возникло предупреждение: для запроса сведений о владельце требовалось указать основание, а также подтвердить, что запрашиваемые данные не будут использованы для вмешательства в частную жизнь.

Артём перечитал текст и вписал: «Проверка обстоятельств выдачи ключей от складского помещения, связанных с документально зафиксированным представительством Марины...»

— «Документально зафиксированным» — это доверенность, — сказала Вера. — А выдача ключей была раньше неё. Не склеивай эти факты в одно основание.

Он убрал фразу и начал заново.

— Ты права.

— Я не хочу, чтобы в запросе звучало так, будто мы уже знаем, кто и зачем туда входил.

Артём повернул к ней экран. Теперь там оставалось только то, что можно было подтвердить: адрес склада, дата записи Кострова, номер доверенности и просьба установить собственника и порядок выдачи ключей. Вера прочла всё от начала до конца. Артём нажал «Отправить».

На экране появился регистрационный номер.

— Теперь ждём, — сказал он.

— И пока ждём, попробуем понять, кто мог узнать о Маринином складе до оформления доверенности.

Артём убрал телефон.

— В городском архиве есть старые карточки объектов. Часть сведений открыта. Если склад проходил через наследство или переоформление, там может остаться след.

— Ты можешь туда попасть?

— По службе — нет. Но я знаю, кто дежурит в читальном зале.

— Знакомство не заменяет разрешение.

— Я и не собираюсь просить вынести документы.

Он произнёс это без раздражения. Вера заметила, что после разговора с Костровым Артём стал осторожнее подбирать слова. Это не делало его прошлой ошибки меньше. Но сейчас он хотя бы не пытался проскочить через чужое «нет» под видом полезного дела.

— Тогда позвони и спроси, как получить доступ, — сказала она.

В архиве пахло мокрыми пальто и картонной пылью. Читальный зал занимал бывшую комнату присутственных мест: высокие окна, светлые столы, на каждом зелёная лампа. У входа их встретила женщина в очках на цепочке. На табличке перед ней было написано «Ирина Павловна, дежурный архивист».

Артём назвал себя и изложил просьбу. Не упомянул, что уже встречался с Костровым; не попросил «посмотреть одним глазом». Ирина Павловна выслушала, затем протянула Вере бланк.

— Заполняете оба. Документы по действующим владельцам не выдаём. Но адресные книги и описи передачи фонда доступны, если указать конкретный период.

Вера внесла адрес склада и примерный год, когда помещение могло перейти к Марине. Она не стала вписывать её полное имя: пока у них не было подтверждения, что склад принадлежал именно ей.

— Ключи ведь не всегда выдавали владельцам, — сказала Ирина Павловна, забирая бланки. — Бывали хранители, арендаторы, управляющие. В старых книгах это отмечали по-разному.

— А если ключи выдавали человеку, который назвался представителем? — спросил Артём.

— Тогда в журнале могли записать слова дежурного. Это не удостоверение полномочий.

Вера чуть повернула голову к нему. Слова совпадали с тем, что они только что услышали от Кострова. Но совпадение ещё не доказывало, что правила были одинаковы в разные годы.

Ирина Павловна вернулась с двумя тонкими папками и листом учёта. Пока Вера заполняла расписку, Артём не торопился открывать бумаги. Он дождался, когда архивистка укажет, какие листы можно копировать.

В первой папке нашлась опись складских помещений за несколько лет. Адрес встречался, затем пропадал, потом возникал снова в списке объектов, переданных городскому управлению. В графе примечаний стоял короткий код: «временное хранение, ключи у смотрителя».

— Это ещё до Марины, — сказала Вера.

— На несколько лет, — ответила Ирина Павловна. — Вторая папка — передача частным лицам. Но там придётся сверить номера, часть документов описана по старому участку.

Вера сопоставила адрес и номер строения. Один номер совпадал, второй был зачёркнут и заменён другим. На полях проступал след карандашной пометы. Она попросила разрешения снять страницу. Архивистка кивнула.

В строке передачи значилось имя: «С. В. Левин». Рядом — дата и отметка о получении ключа. Вера перечитала фамилию дважды.

— Вам знакомо это имя? — спросил Артём.

— Нет.

— Мне тоже.

— Это не тот человек, о котором говорил Костров, — напомнила Вера. — У нас есть только инициалы и фамилия. Пока не связываем.

Она сфотографировала лист, записала шифр папки и дату. Артём тем временем нашёл в описи ещё одну запись: через год после передачи Левину помещение вернулось в городской фонд. Причина не указывалась.

Ирина Павловна наклонилась к ним.

— Вы ищете конкретного человека?

— Пока мы проверяем последовательность передачи ключей, — ответила Вера.

Архивистка посмотрела на неё поверх очков, словно решая, стоит ли задавать следующий вопрос.

— Тогда поговорите с Григорием Семёновичем. Он раньше работал здесь с хозяйственными книгами. Многие адреса помнит по старым названиям. Сейчас он в муниципальной библиотеке, помогает разбирать закрытый фонд.

— Вы можете дать его контакты?

— Могу передать ему ваш номер. Не обещаю, что он согласится разговаривать. Он не любит, когда к нему приходят уже с готовым выводом.

Вера продиктовала номер и отдельно попросила не сообщать ему, кто именно упоминался в их разговоре. Ирина Павловна записала просьбу.

Когда они вышли на улицу, Артём сверился с часами.

— Библиотека закрывается через сорок минут. Можно успеть.

— Мы не знаем, захочет ли он нас видеть.

— Если не захочет, уйдём.

Она кивнула. На телефоне Артёма появилось уведомление о принятии имущественного запроса. Он показал Вере регистрационный номер, затем убрал экран.

— Я могу позвонить в библиотеку, — сказал он. — Попросить только передать, что мы пришли по поводу старых складских книг.

— Не говори, что ты сотрудник службы. И не делай вид, что у нас есть полномочия, которых нет.

Артём набрал номер и представился частным лицом. Ответили не сразу. Он объяснил, что у них есть вопрос о старых записях на складские помещения и что их направила Ирина Павловна. После короткой паузы он слушал, не перебивая.

— Он согласен поговорить, — сказал Артём, завершив звонок. — Но только с тобой.

— Почему?

— Сказал, что меня знает.

Вера посмотрела на него.

Артём не стал добавлять объяснений. В его лице не было ни удивления, ни попытки отшутиться.

— Ты знаешь Григория Семёновича?

— Возможно. Давно. Я не уверен, что он помнит меня по имени.

— Тогда начнём с этого. Я задам вопросы, а ты не будешь говорить за него.

— Хорошо.

До библиотеки они дошли молча. У входа Вера задержалась, проверяя в блокноте шифр архивной папки и дату передачи. Фамилия Левина не объясняла раннюю выдачу ключей, но давала новую точку, которую можно было проверить независимо. А требование встретиться без Артёма означало, что его прошлое уже успело войти в расследование раньше, чем он сам решился о нём рассказать.

В библиотеке пахло пылью, мокрой шерстью и клеем для переплётов. За стеклянными дверями читального зала уже гасили верхний свет, оставляя включёнными только лампы над длинными столами. Вера назвала фамилию Григория Семёновича дежурной, и та, не задавая лишних вопросов, показала на дальний ряд стеллажей.

— Он там. Только не торопите его. Он сердится, когда его отвлекают от работы.

Григорий Семёнович стоял на низкой стремянке и снимал с полки коробки с инвентарными карточками. Ему было около семидесяти, но двигался он легко. Серые волосы были зачёсаны назад, на носу держались очки с толстой металлической оправой. Услышав шаги, он не обернулся.

— Вера Бережная? — спросил он.

— Да.

— Подойдите одна.

Артём остановился у стола, не пытаясь вмешаться. Вера подошла к стеллажу. Григорий Семёнович спустился, поставил коробку на пол и только тогда посмотрел ей в лицо.

— Ирина Павловна сказала, что вы будете спрашивать о складском помещении на улице Старых Фонарей.

— О помещении, которое передали С. В. Левину, — уточнила Вера. — Мне нужно понять, кто фактически передал ему ключ и почему через год помещение вернулось в городской фонд.

— Вы уже знаете про возврат?

— Видела запись в описи.

— Тогда знаете больше, чем знали мы в тот день.

— Кто такие «мы»?

Григорий Семёнович провёл пальцем по корешку ближайшей папки, не открывая её.

— Хозяйственный отдел, архив и человек, который приехал за ключом. В тот день я был дежурным по складам.

— Вы видели этот ключ?

— Видел. Не такой, как у вас, если вы принесли его с собой.

Вера не стала спрашивать, откуда он догадался. Ключ лежал в её сумке, завернутый в бумажный конверт, но металл иногда оставлял на ткани едва заметный запах машинного масла. Она достала блокнот.

— Опишите его.

— Длинный, латунный. На кольцо была жестяная бирка с номером двести семнадцать. Но бирка болталась, её можно было снять без инструмента.

Вера записала номер.

— В архивной записи нет номера ключа.

— Потому что его туда не внесли.

— А куда внесли?

Григорий Семёнович поднял глаза.

— В журнал выдачи. Вы его видели?

— Нет. Мне сказали, что хозяйственные журналы передали в закрытый фонд.

— Передали не все.

Он подошёл к столу, где лежали раскрытые коробки, и осторожно вытащил тонкую тетрадь в серой обложке. На ней не было ни номера, ни даты. Григорий Семёнович положил её между ними, но ладонь оставил сверху.

— Это не официальный журнал, — сказал он. — Черновик, который я вёл для себя. Официальный тогда забрали на проверку.

— Почему вы вели черновик?

— Потому что официальный уже однажды потерял страницу.

Вера посмотрела на Артёма. Он не двинулся, но лицо его стало напряжённым. Григорий Семёнович заметил этот взгляд.

— Он говорил, что не будет отвечать за меня, — сказал старик. — Значит, умеет выполнять хотя бы некоторые обещания.

— Вы давно его знаете?

— С тех пор, как он работал в отделе городского имущества.

— Вы были знакомы по работе?

— Он приезжал ко мне не как сотрудник отдела. Тогда это было важно.

Артём поднял голову.

— Григорий Семёнович...

— Я попросил вас молчать, — перебила Вера. — Вы согласились.

Он сжал губы и снова опустил взгляд.

Григорий Семёнович открыл тетрадь. Страницы были исписаны мелким, почти без наклона почерком. У каждой записи стояли дата, время, фамилия и номер ключа.

— Вот день передачи, — сказал он. — Тринадцатое октября. В десять двадцать приехал мужчина по доверенности от Марины Левиной.

— Его фамилия?

— В журнале не записана.

— Вы её помните?

— Нет. Я запомнил другое. Он пришёл без Марины. Сказал, что она не может передвигаться и поручила ему получить доступ к помещению. Я попросил доверенность и паспорт. Всё было.

— Кто подписал передачу?

— Я поставил свою подпись в черновике. В официальном журнале расписался тот мужчина.

— Вы видели доверенность?

— Да. С нотариальным номером.

Вера быстро нашла в блокноте номер, который переписала у Левиной.

— Этот?

Григорий Семёнович придвинулся к лампе. Долго вглядывался в цифры, потом медленно покачал головой.

— Нет. В моей записи другой номер.

Вера ощутила, как в груди нарастает холод.

— Какой?

Он перевернул страницу. На полях рядом с датой стоял ряд цифр, перечёркнутый один раз и вписанный поверх старого.

— Сначала я записал номер, который мне назвали. Потом сверил с бумагой и исправил. Вот этот — настоящий.

Вера переписала его рядом с номером из архивной папки. Разница была не в одной цифре. Доверенность, на которую ссылалась запись, и доверенность, которую предъявляли при выдаче ключа, были разными документами.

— Почему в архиве остался только первый номер?

— Потому что туда передали копию, а не доверенность. Я спросил, почему. Мне ответили, что новая копия заменяет предыдущую.

— Кто ответил?

— Ваш знакомый.

Он кивнул в сторону Артёма.

Тот не возразил.

Вера закрыла блокнот.

— Артём, вы видели эту доверенность?

— Нет.

— Но вы знали, что номер изменили?

— Я знал, что документ заменили после передачи.

— Когда?

— Через несколько дней.

— Почему вы не сказали об этом раньше?

— Потому что не был уверен, что имею право вмешиваться.

— Мы сейчас как раз проверяем, что значит «иметь право».

Григорий Семёнович посмотрел на неё с усталостью.

— Вот поэтому я и попросил прийти вас одну. Он всегда считал, что если не подписывал решение, то не отвечает за него.

Артём медленно подошёл к столу.

— Я не говорил, что не отвечаю.

— Не словами.

В библиотеке стало тихо. Дежурная у входа перевернула табличку на двери, и металл звякнул о стекло.

Вера снова обратилась к Григорию Семёновичу:

— Вы видели человека, который получил ключ. Сможете узнать его?

— Если увижу, узнаю.

— Вы уверены?

— У него был шрам под левым ухом. Небольшой, белый. И он держал папку не под мышкой, как большинство, а двумя пальцами за край, будто боялся испачкать руки.

— Это всё?

— Ещё он спросил, можно ли открыть склад после шести вечера.

— Что вы ответили?

— Что нельзя. После шести здание закрывается.

— А он?

— Сказал: «Тогда придётся сделать вид, что правило изменилось».

Вера записала фразу дословно.

— Какое правило?

Григорий Семёнович усмехнулся без веселья.

— Никакого правила не было. После шести просто никого не пускали, потому что дежурный уходил. Но в бумагах это нигде не значилось.

Он открыл последний разворот тетради. Под записью о выдаче ключа была приписка: «В 18:40 дверь открыта повторно. Присутствовал Мельник».

У Веры перехватило дыхание.

Артём увидел строку и побледнел.

— Я не открывал дверь, — сказал он.

— Но были там.

— Да.

— Зачем?

Он не ответил сразу. За окнами проходили люди, отражаясь в тёмном стекле. На улице зажглись фонари, и их жёлтый свет разрезал читальный зал на узкие полосы.

— Потому что мне позвонила Марина Левина, — сказал Артём. — Она сказала, что из склада исчезла папка. И попросила меня проверить, не забрали ли её вместе с вещами.

— Вы разговаривали с ней лично?

— По телефону.

— Почему это нигде не записано?

— Потому что звонок был с чужого номера.

— И вы всё равно открыли помещение?

— Я не открывал. Дверь уже была открыта.

Григорий Семёнович резко снял очки.

— Вы сказали мне, что у вас есть разрешение.

— Я сказал, что проверяю поручение отдела.

— Это не одно и то же.

— Я знаю.

Вера почувствовала, как между ними возникает не просто недосказанность, а точка, от которой расходятся две версии событий. Она достала телефон и включила диктофон.

— Я включаю запись, — предупредила она. — Вы согласны продолжить разговор?

Григорий Семёнович кивнул. Артём тоже.

— Тогда скажите точно, — произнесла Вера. — Кто находился у склада в восемнадцать сорок и что там произошло?

Старик посмотрел на Артёма, потом на Веру.

— Я видел его у двери. А внутри уже был тот самый человек со шрамом.

Артём сделал шаг назад.

— Вы не говорили этого раньше.

— Вы не спрашивали.

— Что он делал?

— Снимал с папки металлическую застёжку. Потом положил её в карман.

— Папка была с письмом? — спросила Вера.

Григорий Семёнович ответил не сразу.

— Я не видел письма. Но на папке стоял тот же шифр, который вы называли Ирине Павловне.

Вера записала шифр ещё раз, хотя помнила его наизусть.

— Почему вы не остановили его?

— Потому что он показал мне бумагу с подписью Марины Левиной. А вы спрашивали, позволительно ли использовать чужое согласие ради безопасности? В тот вечер я решил, что позволительно.

— И что случилось потом?

— Через год помещение вернули городу. Папка исчезла. А меня попросили забыть, что я видел.

Он закрыл тетрадь.

— Теперь вам нужно решить, что делать с этой записью. Но учтите: если вы назовёте моё имя, меня снова вызовут объяснять, почему я молчал. А если не назовёте, они скажут, что свидетельство придумано после разговора с вами.

Вера взглянула на Артёма.

— Есть ещё одна проблема, — сказал он. — В ту ночь я подписал служебную записку о проверке склада.

— Что в ней было?

— Что помещение закрыто и нарушений не обнаружено.

— Значит, вы видели открытую дверь и всё равно написали обратное.

— Да.

Григорий Семёнович отвернулся к окну.

Вера выключила диктофон. Теперь у неё были две даты, два номера доверенности, свидетель, который мог узнать получателя ключа, и собственноручная подпись Артёма под ложным результатом проверки. А главное — человек со шрамом оставался не призраком из старой записи, а свидетелем того, как чужое согласие превратили в разрешение на действие, которого Марина, возможно, никогда не совершала.

Артём не пытался оправдаться. Он стоял у окна, опустив руки, и смотрел на тёмное стекло, в котором отражалась комната: Вера с блокнотом, Григорий Семёнович у стола, старый шкаф с перекошенной дверцей.

— Подпись ваша? — спросила Вера.

— Моя.

— Вы лично осматривали склад?

— Да.

— Видели открытую дверь?

— Да.

— Видели человека со шрамом?

— Нет. В тот момент — нет.

— Тогда почему написали, что нарушений не обнаружено?

Артём провёл большим пальцем по краю ключа.

— Потому что к тому времени дверь была закрыта.

— Кто её закрыл?

— Не знаю.

— А человек?

— Тоже исчез.

— Вы слышали голос? Видели машину? Одежду?

— Только спину. Он вышел раньше, чем я подошёл к двери. Я решил, что это сотрудник, которого направили из отдела. Потом позвонил начальник и сказал, что проверка согласована.

— Имя он назвал?

— Нет.

— Вы спросили?

— Нет.

Вера закрыла блокнот. В комнате стало теснее, будто признание заняло место мебели.

Григорий Семёнович достал из внутреннего кармана куртки сложенный лист.

— Я не собирался это показывать, — сказал он. — Но теперь без него разговор будет неполным.

Он развернул бумагу на столе. Это был вырванный лист из журнала дежурств: дата, время, фамилия, подпись. Напротив восемнадцати сорока стояло: «Мельник А. И. — проверка по устному распоряжению отдела».

Ниже, другим почерком, появилась короткая запись: «Доступ предоставлен по согласованию с М. Левиной».

— Откуда это у вас? — спросила Вера.

— Из старого журнала проходной. Его должны были уничтожить после передачи здания городу. Но журнал лежал в подсобке, под стопкой накладных. Я забрал страницу, когда понял, что её вырвали из общей книги.

Артём наклонился к листу.

— Это не моя запись.

— Я знаю, — ответил Григорий Семёнович. — Вашу подпись я видел в служебной записке. Здесь другая рука.

— Почему вы не показали её раньше?

— Потому что на странице есть не только ваше имя.

Вера посмотрела на нижнюю строку.

— Марина Левина?

— Нет. Буква «М» — это обозначение согласования, а не подпись. Я сначала тоже так подумал. Потом нашёл обратную сторону.

Григорий Семёнович перевернул лист. На серой бумаге проступали следы от нажатия пера с предыдущей страницы. Вера достала из сумки мягкий карандаш и положила его рядом.

— Можно?

Старик кивнул.

Она осторожно провела грифелем по поверхности, не касаясь чернил. Через несколько движений проступили отдельные слова: «получатель», «копия», «не передавать». Ниже виднелся обрывок фамилии — «...ров».

Артём резко выпрямился.

— Петров?

— Вы знаете кого-то с такой фамилией? — спросила Вера.

— В отделе был Виктор Петров. Работал с внутренней корреспонденцией. Ушёл задолго до передачи склада.

— Ушёл куда?

— В городскую комиссию по имуществу.

— Имеет отношение к архиву?

— Тогда — косвенное. Он оформлял допуски и списание папок.

Григорий Семёнович провёл ладонью по лицу.

— Вот почему я запомнил шрам. У человека был шрам у левого виска, тонкий, белый. Но в журнале его фамилии нет. Он вошёл по чужому распоряжению.

— Вы видели его раньше? — спросила Вера.

— Один раз, за неделю до склада. Он приходил с Петровым. Я спросил, кто это. Петров сказал: «Проверяющий». Без фамилии.

Артём отвернулся.

— Значит, Петров мог использовать согласие Марины.

— Или её имя использовал кто-то другой, — сказала Вера. — Пока мы не увидим сам документ, это только версия.

— У меня его нет.

— Зато есть ваша записка.

Он посмотрел на неё.

— Вы хотите передать её в архив?

— Я хочу зарегистрировать всё, что мы нашли. Запись Григория Семёновича, лист из журнала, вашу служебную записку, ключ и сведения о Петрове.

— Тогда меня вызовут.

— Вас уже должны были вызывать.

— Вызовут не для того, чтобы разобраться.

— Возможно. Но если мы спрячем вашу подпись, человек, который воспользовался чужим согласием, получит ещё один шанс назвать молчание доказательством своей правоты.

Артём сжал челюсть.

— Ты говоришь так, будто я снова собираюсь что-то скрыть.

— Я говорю, что сейчас у тебя есть выбор. И он неприятный. Это не одно и то же.

Он долго молчал. За окном прошёл автобус, осветив комнату жёлтой полосой. На мгновение в стекле отразился его профиль, и Вера заметила тонкую белую линию у виска.

Она сразу подняла глаза.

— У тебя есть шрам.

Артём коснулся виска.

— Старый. В детстве разбил окно.

Григорий Семёнович всмотрелся в него.

— Не такой.

— Что значит — не такой?

— У того человека шрам начинался выше и уходил к уху. И он был заметнее.

— Вы уверены?

— Я старый, а не слепой.

Вера не стала превращать это совпадение в обвинение. Она записала описание отдельно, рядом с датой и временем.

— Нам нужен ещё один источник, — сказала она. — Не воспоминание спустя год и не запись, которую могли изменить. Кто-то должен подтвердить, что Петров действительно приводил этого человека.

— Есть Ольга Веденеева, — ответил Григорий Семёнович. — Она тогда работала на проходной. После закрытия склада уехала к дочери, но иногда приезжает в город.

— У вас есть её номер?

Старик достал из шкафа телефонный справочник, долго листал страницы и нашёл карандашную пометку. Вера переписала номер.

— Позвоню сейчас.

— Ночью?

— Сейчас без десяти девять.

— Она не любит незнакомых.

— Тогда представлюсь и объясню, зачем звоню. Решать, отвечать или нет, будет она.

Вера набрала номер на громкой связи. После четвёртого гудка женский голос произнёс:

— Слушаю.

— Ольга Николаевна? Меня зовут Вера Бережная. Я звоню по поводу склада на улице Кленовой и журнала проходной за две тысячи девятый год.

На другом конце стало тихо.

— Кто дал вам мой номер?

— Григорий Семёнович.

— Он всё-таки заговорил?

— Он рассказал то, что видел. Я хочу спросить, готовы ли вы подтвердить свою часть событий.

— А если не готова?

— Тогда мы это запишем как ваш отказ. Без давления.

Ольга Николаевна тяжело вздохнула.

— Вы не похожи на тех, кто приходил раньше.

— Мы не знакомы с теми людьми.

— Петров приходил не один. Я видела его с мужчиной, который предъявил бумагу с подписью Левиной. Но подпись была уже на бланке, а текст вписали позже. Я сказала об этом начальнику. Он велел не придирааться к форме.

— Вы помните, что было в тексте?

— «Разрешаю временный доступ к папке». Без номера, без даты. Потом дату вписали ручкой. Я видела это своими глазами.

Артём закрыл глаза.

Вера спросила:

— Какой датой?

— Двенадцатым октября. Но мужчина пришёл четырнадцатого.

Григорий Семёнович тихо выругался.

— У вас сохранились записи?

— Копия журнала у меня. Я забрала её перед увольнением. Там есть время входа и номер машины Петрова.

— Вы сможете передать копию?

— Только лично. И только если вы приедете завтра утром.

— Мы приедем.

— Вы и Мельник?

Вера посмотрела на Артёма.

— Да.

— Тогда пусть он привезёт свою служебную записку. Я хочу увидеть, что именно он написал.

— Привезу, — сказал Артём.

Ольга Николаевна отключилась.

Некоторое время никто не двигался. Затем Вера выключила телефон и убрала его в сумку.

— Теперь положение изменилось, — сказала она. — У нас есть подтверждение, что согласие Марины могли оформить задним числом. Есть запись о человеке, вошедшем по этому документу. И есть ваша записка, составленная после исчезновения папки.

— А ещё есть номер машины, — добавил Григорий Семёнович.

— Да.

Артём положил ключ на стол.

— Я пойду с вами завтра.

— Это не жест доверия, — сказала Вера. — Это ваша обязанность как свидетеля и человека, чья подпись стоит в деле.

— Я знаю.

Она взяла ключ, но не спрятала его в карман.

— До завтра он останется у меня на хранении. Я составлю расписку.

— Ты мне не доверяешь?

— Доверие не заменяет опись.

Впервые за весь вечер Артём едва заметно улыбнулся.

— Это я уже слышал.

— Значит, запомнил.

Она записала в блокноте: «Ключ принят у Артёма Мельника в присутствии Григория Семёновича». Рядом поставила время и попросила старика расписаться. Потом протянула ручку Артёму.

Он подписал строку ниже.

Когда они вышли на улицу, Янтарный Берег встретил их холодным ветром с набережной. Фонари вдоль Кленовой зажигались один за другим, и каждый освещал небольшой участок тротуара, оставляя остальное в темноте.

— Завтра вы покажете им свою записку? — спросила Вера.

— Да.

— Даже если после этого вас отстранят от проверки?

— Да.

— Почему?

Артём посмотрел на ключ в её руке.

— Потому что однажды я решил, что чужое молчание можно принять за согласие. Больше я не хочу пользоваться этой ошибкой.

Вера ничего не ответила. Она убрала ключ в отдельный конверт, подписала его и пошла к перекрёстку, где им предстояло разойтись. Артём остался рядом, не пытаясь сократить расстояние.

На следующий день им предстояло предъявить не только старую бумагу, но и человека, который видел, как чужое имя превратили в разрешение.

Глава 3. Цена первой ошибки

Утром Артём пришёл к городскому архиву раньше Веры. Он стоял у бокового входа, под навесом, и держал в руках прозрачную папку. Ветер трепал уголок верхнего листа, но Артём придерживал его пальцем, не позволяя бумаге согнуться.

— Ты принёс записку? — спросила Вера.

— Копию. Оригинал у Григория Семёновича.

— Хорошо. Пусть пока никому его не отдаёт.

Он посмотрел на неё.

— Даже архиву?

— Пока мы не знаем, что именно там будут с ней делать.

Вера достала блокнот и сверила время. Вчерашние отметки о ключе и подписи Григория Семёновича лежали на отдельной странице. Она проверила, что конверт не вскрыт, и убрала его во внутренний карман сумки.

Внутри архива пахло пылью, мокрой шерстью и старым клеем. В коридоре горела одна лампа, хотя за окнами уже стоял серый дневной свет. У кабинета начальника отдела Артём задержался.

— Я могу войти один, — сказал он.

— Можешь. Но тогда ты будешь отвечать за то, что именно услышал и как пересказал.

— Ты думаешь, я исказил бы разговор?

— Нет. Я думаю, что в таком разговоре люди часто слышат то, чего боятся.

Артём кивнул и постучал.

Начальник отдела, Павел Андреевич Климов, выслушал его стоя. Он не предложил сесть и не попросил Веру назвать себя. Когда Артём положил на стол копию записки, Климов прочёл её дважды.

— Вы утверждаете, что получили это от Григория Семёновича?

— Да.

— А он утверждает, что документ принадлежит ему?

— Он подписал акт передачи копии. Оригинал оставил у себя.

Климов поднял взгляд на Веру.

— Вы сопровождаете его в качестве кого?

— Я проверяю происхождение документов, которые относятся к завещанной мне коробке. Пока не установлено, что записка имеет к ней отношение.

— Тогда зачем вы здесь?

— Чтобы не позволить чужой бумаге превратиться в доказательство без проверки.

На лице Климова не дрогнул ни один мускул.

— Разумно. Но вы понимаете, что речь идёт о внутреннем расследовании?

— Именно поэтому я ничего не прошу скрывать.

Артём коротко выдохнул, будто только сейчас заметил, что задерживал дыхание.

Климов взял записку за край и прочитал вслух: «Ключ оставлен у Г. С. Не передавать М. до подтверждения». Ни даты, ни подписи. Только буквы и короткая черта внизу, похожая на обрывок росчерка.

— Это не распоряжение, — сказал он. — И не служебная записка. Кто-нибудь объяснил вам, что означает «М.»?

— Нет, — ответил Артём.

— А вы решили, что речь о Марине?

— Я не решил. Я предположил.

— Но принесли сюда, рассчитывая, что предположение подтвердится.

Артём не стал спорить.

Климов положил бумагу на стол.

— В архивной книге есть запись о ключе. Он числится за помещением на Кленовой, двенадцать. Выдача зафиксирована двадцать третьего сентября, возврат — двадцать пятого.

— Тогда почему ключ оказался у Григория Семёновича? — спросила Вера.

— Потому что у него был временный допуск к складу. Документально подтверждённый.

Климов достал из шкафа журнал и развернул его на нужной странице. Запись была сделана синими чернилами, почти выцветшими, но читаемыми: номер ключа, даты, фамилия получателя, подпись заведующей фондом. Отдельной строкой — отметка о возврате. На полях стояло: «Передан по просьбе М. Левиной».

Вера наклонилась ближе, не касаясь страницы.

— Это подтверждает, что Левина просила передать ключ?

— Подтверждает, что кто-то внёс такую отметку, — сказал Климов. — Подпись под ней принадлежит заведующей. Я могу заверить выписку.

Он поставил рядом копировальную пластину и переписал запись в служебный бланк. Каждую строку сверил с журналом, затем проставил дату и печать.

Артём смотрел на запись, не двигаясь.

— Значит, ключ всё-таки был связан с Мариной.

— С буквой «М.» — возможно, — сказала Вера. — Но не обязательно с Мариной. И не обязательно в том смысле, который ты предполагал.

Климов закончил выписку и подвинул её к Вере.

— Теперь о вашей записке. Её нужно зарегистрировать как поступившую от сотрудника. Если вы настаиваете, я приму копию и отмечу, что оригинал находится у Григория Семёновича.

— А дальше? — спросил Артём.

— Дальше я запрошу объяснения у тех, кто подписывал журнал. Но прежде чем вы зададите следующий вопрос, советую вспомнить, что вы сами уже нарушили порядок, когда вынесли служебную запись из кабинета.

— Это не была служебная запись, — сказал Артём. — Она лежала в коробке с личными бумагами.

— Вы уверены?

Артём посмотрел на Веру. Та не ответила за него.

— Нет, — сказал он наконец. — Не уверен.

Климов подвинул к нему бланк объяснения.

— Тогда напишите именно это. Не версию, которая вам удобнее.

Артём взял ручку. Несколько секунд держал её над пустой строкой, потом записал, что не может установить происхождение листа и не исключает, что вынес его без разрешения. Почерк у него стал крупнее, чем обычно.

Пока он писал, Вера заметила в журнале вторую отметку — такую же короткую черту, как на записке. Она появилась рядом с датой возврата, но в графе для примечаний. Черта была похожа на проверочный знак; рядом стояли инициалы заведующей.

— Можно попросить архивную справку и по этой отметке? — спросила Вера.

— Можно, — ответил Климов. — Но не сегодня. Потребуется сверка с делом о выдаче.

Он забрал копию записки и расписался в журнале приёма. Вера настояла, чтобы в описи указали: оригинал не представлен, копия получена Артёмом от Григория Семёновича по акту передачи. Климов поморщился, но запись принял.

У двери Артём остановился.

— Я думал, эта бумага докажет, что Марина просила о помощи.

— Она пока доказывает только то, что у ключа была история, — сказала Вера.

— А если я опять выбрал объяснение, которое снимает с меня часть вины?

Вера закрыла блокнот.

— Тогда теперь у тебя есть возможность это исправить. Не догадкой — точной записью о том, что ты знаешь и чего не знаешь.

Артём посмотрел на служебную копию, оставшуюся в руках Климова. Он отдал архиву версию, которая могла обернуться против него, но вместе с ней получил документально подтверждённый след. И ни одно из этих двух обстоятельств не облегчило ему лица.

На улице Артём остановился под козырьком архива. Дождь успел превратить ступени в тёмное зеркало; по ним скользили отражения фонарей, и всякий раз, когда ветер гасил один из огоньков, в воде оставалась короткая рябь.

— Я должен позвонить Григорию Семёновичу, — сказал он. — Предупредить, что Климов может запросить его объяснения.

— Позвони. Только не подсказывай, что именно ему говорить.

Артём достал телефон, но не нажал на вызов.

— Думаешь, он станет защищать меня?

— Думаю, он взрослый человек и сам решит, что ему говорить.

Он кивнул и набрал номер. Вера отошла на несколько шагов, оставляя ему пространство, но слышала, как Артём представился и коротко рассказал о визите в архив. Потом замолчал, выслушивая ответ. Плечи его напряглись.

— Нет, — произнёс он наконец. — Я не прошу тебя подтверждать мою версию. Если ты помнишь иначе, скажи иначе.

Он завершил звонок и убрал телефон.

— Он помнит, что ключ был в коробке, — сказал Артём. — Но не уверен, кто положил его туда. И не знает, когда это случилось.

— Это важнее, чем если бы он уверенно повторил твоё объяснение.

— Для меня — не легче.

— Я не обещала, что будет легче.

Они пошли вдоль улицы, не договариваясь, куда направляются. До перекрёстка Вера держалась чуть впереди: ей хотелось проверить записи, пока день не распался на чужие версии и недосказанные воспоминания. В блокноте уже теснились адрес склада, номер доверенности, слова Левиной и отметки из архива. Каждая запись сама по себе казалась небольшой. Вместе они начинали складываться в порядок действий, но пока не в историю.

У телефонной будки на углу Артём свернул к старому зданию управления городскими собраниями. Вера остановилась.

— Куда ты?

— В справочную. Там хранят описи переданных дел. Если отметка в журнале относится к возврату ключа, должно быть дело о выдаче.

— Климов сказал, что сверка будет не сегодня.

— Мы не будем просить его выдать дело. Узнаем, существует ли оно и где зарегистрировано.

— Ты уверен, что не пытаешься снова обойти порядок?

Артём посмотрел на здание, потом на неё.

— Нет. Поэтому спрашиваю, пойдёшь ли ты со мной. Если скажешь нет, я не стану заходить.

Вера оценила не сам вопрос, а паузу после него. Он ждал ответа, не пытаясь заполнить её доводами.

— Пойдём. Но только за справкой по каталогу. Никаких разговоров с сотрудниками от имени архива и никаких просьб посмотреть закрытые материалы.

— Согласен.

В справочной их встретила женщина с короткой стрижкой и очками на цепочке. Она проверила фамилию Марины по алфавитному указателю, затем попросила уточнить годы. Артём назвал приблизительный промежуток, не скрывая, что точной даты у них нет.

— По одной фамилии ничего обещать не могу, — сказала сотрудница. — В старых описях могли записывать как личные бумаги, так и имущество учреждения. Есть инициалы?

— Только «М.», — ответила Вера. — И номер доверенности, выданной на получение документов.

Она назвала номер. Женщина занесла его в карточку и скрылась за дверью. Вернулась она не сразу, а когда вернулась, принесла тонкий каталог и положила его на стойку, не раскрывая.

— Номер относится не к доверенности на получение бумаг, — сказала она. — Это регистрация временного допуска в хранилище. Заявитель указан полностью: Марина Павловна Левина. Допуск выдан на три дня, с правом сопровождения.

Артём словно не услышал последнюю часть.

— Левина? Та самая?

— Других данных у меня нет, — ответила сотрудница. — Если нужна копия, подавайте письменный запрос. Но это не закрытый документ, только каталог.

Вера посмотрела на Артёма. В его лице сменилось несколько выражений, прежде чем он выбрал одно.

— Значит, она сама получила доступ к хранилищу.

— Мы знаем, что ей выдали временный допуск, — поправила Вера. — Это не то же самое, что знать, зачем и что она там делала.

Сотрудница протянула бланк запроса. Вера вписала номер допуска, дату выдачи и цель: установить связь регистрации с отметкой в журнале приёма. Подписала. Артём добавил свою подпись как лицо, предоставившее сведения о записке. Сотрудница поставила входящий штамп и выдала отрывной талон.

Теперь у них был документальный след, связывавший Левину с хранилищем, где учитывали старые городские дела. Но рядом с этим фактом встала новая трудность: Левина не просто помнила историю Марины. Она сама имела доступ к месту, откуда могли исчезнуть бумаги.

На выходе Артём задержался у двери.

— Она могла взять письмо.

— Могла, — сказала Вера. — Или пыталась его найти. Или пришла за другим делом. Пока мы знаем только, что ей разрешили войти.

— А если она всё это время говорила правду?

— Тогда проверка это покажет. Если мы заранее назначим её виноватой, то перестанем замечать факты, которые нам не подходят.

Он опустил глаза на талон.

— Мне проще было поверить, что Марина просила о помощи. Тогда ключ означал, что я не выдумал её согласие.

Вера не стала отвечать сразу. На улице ветер развернул край талона в его пальцах, и Артём прижал бумагу ладонью.

— Это объясняет, почему ты держался за ту версию, — сказала она. — Но не делает её верной.

— Знаю.

— Хорошо. Тогда завтра в архиве мы запросим дело по отметке. Сегодня у нас есть номер, дата и имя. Не больше.

Артём аккуратно убрал талон в бумажник, отдельно от ключа, которого при нём уже не было. Вера записала сведения в блокнот и подчеркнула номер допуска. Теперь Левина могла оказаться не только свидетельницей, но и человеком, чьи действия следовало проверять наравне с действиями остальных.

Они двинулись к перекрёстку. На этот раз Артём не пошёл следом за Верой, когда она выбрала другую сторону улицы.

— Увидимся завтра, — сказал он.

— Если Климов подтвердит время.

Он кивнул. Между ними оставалось расстояние, которое никто не пытался сократить, и впервые за день это расстояние не казалось ни наказанием, ни обещанием. Вера продолжила путь одна, прижимая блокнот к боку. Новая запись не отвечала на вопрос, кто воспользовался согласием Марины, но впервые показывала, у кого был официальный доступ к месту, где её письмо могло исчезнуть.

Утром Климов назначил им встречу не в хранилище, а в читальном зале городского архива. Вера пришла раньше на четверть часа. На столе уже лежали её блокнот, талон с номе-

ром запроса и копия доверенности, которую она получила у нотариуса. Артём появился ровно к назначенному времени; пальто у него было застёгнуто не на ту пуговицу.

— Не спал? — спросила Вера.

— Спал. Просто плохо застегнулся.

Она не стала улыбаться. Вчерашний разговор не давал ей права принимать любую его неловкость за приглашение к близости.

Климов вошёл с тонкой папкой. Он был невысок, с аккуратно подстриженными усами и привычкой сначала смотреть на бумаги, а потом на людей. Папку положил перед собой, не открывая.

— Запрос зарегистрирован, — сказал он. — Вы просили установить связь временного допуска Левиной с отметкой в журнале приёма. Такая связь есть.

Артём подался вперёд.

— Она действительно заходила в хранилище?

— В указанную дату — да. Время входа и выхода отмечено в журнале. Доступ был оформлен надлежащим образом. Но это ещё не подтверждает, что она брала письмо или видела его.

— А дело по отметке? — спросила Вера.

Климов открыл папку. Внутри лежала заверенная копия страницы из книги учёта: номер, дата, краткое описание дела и фамилия сотрудника, выдавшего его для просмотра. В графе посетителя стояла подпись Левиной. Напротив значилось: «Дело о передаче личной корреспонденции в городской фонд».

Вера прочла запись дважды. Формулировка была такой же общей, как многие старые архивные обозначения: точная опись, точное имя отправителя и получателя в книге не указывались.

— Что означает «просмотр»? — спросила она.

— Посетитель мог работать с делом в комнате выдачи. Выносить его из здания нельзя. Если дело из хранилища передавали в читальный зал, это отмечали отдельно.

Климов показал соседнюю графу. Там стоял номер помещения и отметка о возврате. Время выдачи — 14:10. Возврат — 15:05. Подписи совпадали.

— Значит, Левина не просто имела допуск, — сказал Артём. — Она запросила именно дело о передаче корреспонденции.

— Это подтверждено, — ответил Климов. — Но не то, что она знала о письме Марины. Дело могло относиться к другому случаю.

Вера попросила показать основание для выдачи. Климов перевернул страницу. Там стоял регистрационный номер обращения, а ниже — короткая помета: «Сверить наличие ответа по запросу Бережной М. С.».

Фамилия Марины была выведена размашисто, будто писавший торопился и не рассчитывал, что через годы кто-то станет разбирать каждую букву.

Артём резко отодвинул стул. Ножки скрипнули по полу.

— Она искала ответ.

— Или проверяла, был ли он зарегистрирован, — сказала Вера. — Это не одно и то же. Он взглянул на неё, но возражать не стал.

Климов снял очки и протёр стекло краем платка.

— В книге не указано, кто именно подал заявление на сверку. У старых форм отдельного поля для этого не было. Номер обращения мы нашли в алфавитном указателе, но сам лист сейчас в другом подразделении.

— Где? — спросила Вера.

— В учётной комиссии. Переносили туда дела, связанные с личными документами. Я подал внутренний запрос. Ответа пока нет.

Вера записала номер дела и назвала дату, попросив Климова расписаться рядом с отметкой о выдаче копии. Он расписался. Затем она попросила выдать заверенную выписку, а не только копию страницы.

— Это займёт день, — предупредил он.

— Подождём.

Артём молчал. Он смотрел на фамилию Марины, а не на помету о запросе.

— Левина могла получить это обращение от неё? — спросил он.

— Могла, — ответил Климов. — Могла прийти по поручению. Могла сама просить проверить запись. В этой книге нет сведений, позволяющих выбрать один вариант.

— Но теперь понятно, почему у неё был допуск, — сказал Артём. — Она пыталась найти ответ.

— Понятно, зачем она пришла в архив в тот день, — уточнила Вера. — Не понятно, что она знала до этого и кому передала результат.

Артём сжал край стола. Вера видела, как ему хочется удержать новую версию: не потому, что она доказана, а потому, что в ней Марина не молчала, не отказывалась и не оставляла его одного с тем решением, которое он когда-то принял за неё.

— Я готов поверить, что она хотела помочь, — сказал он. — Но не хочу опять превращать это в доказательство того, чего не знаю.

Вера закрыла блокнот.

— Тогда мы будем искать не подтверждение твоей надежды, а сам лист обращения.

Он коротко кивнул. В этом движении не было облегчения; только согласие не отступать от неприятного вопроса.

Климов предложил им оставить заявку на ознакомление с материалом комиссии. Вера заполнила форму и отдельно указала, что просит сохранить оригинал листа до рассмотрения запроса. Сотрудник прочитал формулировку, нахмурился.

— Вы предполагаете, что документ могут изъять?

— Я предполагаю, что он важен для установления того, кто действовал от имени Марины. Поэтому прошу сохранить его в том виде, в каком он находится сейчас.

Климов поставил штамп. Когда он передал ей талон, за окном читального зала прошёл портовый грузовик, и стёкла дрогнули в рамах.

В коридоре Артём остановился у стенда с планом архива.

— Если на листе окажется подпись Левиной, это ещё не значит, что она подделала разрешение.

— Не значит.

— А если подпись Марины?

— Тогда будем выяснять, что именно она разрешила и при каких обстоятельствах.

Он провёл ладонью по лицу.

— Ты всегда так спокойно говоришь о вещах, которые могут всё испортить?

— Нет. Я просто не позволяю тревоге подписывать документы вместо меня.

На лестнице он задержался, пропуская её вперёд. Вера спустилась на пролёт и услышала, как он идёт следом, не торопясь нагнать.

К полудню у них появилась первая твёрдая связь: Левина действительно запрашивала дело о передаче корреспонденции, а в основании выдачи фигурировало имя Марины. Но эта запись не оправдывала Левину и не подтверждала согласие Марины. Она лишь делала прошлое теснее: кто-то пришёл искать ответ, которого, возможно, не было в архиве, а потом оставил в книге фамилию человека, уже не способного объяснить, что именно просил найти.

Климов не успел проводить их до лестницы. Из читального зала донёсся звонок внутреннего телефона. Он вернулся, снял трубку и слушал молча, прикрыв свободной рукой другой ухом. Вера остановилась у стенда с планом архива. Артём остался на ступень ниже.

— Да, — сказал Климов. — Нет, это не может подождать до завтра. Мы уже оформили запрос.

Он положил трубку и посмотрел на Веру.

— Материал комиссии сейчас в хранилище. Его готовили к передаче в отдел копирования ещё до вашей заявки. Я попросил остановить выдачу.

— На каком основании? — спросила она.

— На основании вашего талона о сохранении оригинала. И потому что по телефону не смогли назвать, кто распорядился сделать копию.

— А кто должен был назвать?

— Дежурный хранитель. Он сказал, что в деле есть отметка, но не видит её, пока не поднимет папку.

Артём спустился на ступень.

— Получается, лист уже могли вынуть?

— Могли, — ответил Климов. — Могли только подготовить папку. Сейчас никто из нас этого не знает.

Он произнёс это без раздражения, но взгляд задержал на талоне в руке Веры. Она убрала его в блокнот.

— Пойдёмте вместе. Если лист на месте, я хочу видеть, в каком состоянии его выдадут.

— Вам не разрешено находиться в хранилище, — сказал Климов. — Но я могу попросить хранителя принести папку в комнату сверки. Дальше будем действовать по правилам.

— Хорошо.

Артём промолчал. Вера видела, что ему хотелось спросить, не станет ли ожидание ещё одним способом потерять документ. Но он не торопил её и не подменял вопрос своим страхом.

Комната сверки находилась за читальным залом, в стороне от посетительского коридора. На столе лежали две серые подложки, линейка и лист регистрации. Климов попросил их подождать у двери, пока сам сходит за хранителем.

Через несколько минут они вернулись вдвоём. Хранительницу звали Нина Андреевна; она несла папку обеими руками, не прижимая её к себе. Увидев Веру, спросила:

— Вы подавали просьбу сохранить лист обращения?

— Да. Вот талон с отметкой о приёме.

Нина Андреевна проверила номер и положила папку на стол. Климов не открывал её, пока хранительница не внесла время, фамилии присутствующих и состояние обложки в регистрационный лист. Потом она развязала тесёмки и перелистнула несколько страниц в перчатках.

— Лист обращения здесь, — сказала она. — Но он вложен не в то место, где указан в описи.

Вера подошла ближе.

— Опись можно посмотреть?

— После того как мы сверим количество листов и отметим расхождение.

Нина Андреевна вынула из папки тонкий лист и положила его на подложку. Бумага была сероватой, с надорванным верхним краем. На ней стоял номер дела, дата и короткая запись о выдаче материалов для комиссии. В графе «основание» значилось: «личное обращение М. Левиной». Ниже шли две подписи. Одна была неразборчива, вторая состояла из фамилии и длинного расчерка: Левина.

Артём наклонился, но к столу не прикоснулся.

— Это не лист Марины, — сказал он.

— Нет, — ответила Вера. — Здесь записано, что обращалась Левина.

Нина Андреевна сверила страницу с описью. Вера молча следила за её пальцем, который двигался вдоль строк.

— А лист, на который ссылается эта запись? — спросила Вера. — Есть его номер? Хранительница посмотрела в опись.

— Отдельного номера нет. Указано только: «заявление приложено к материалам комиссии».

— Значит, лист должен быть в папке.

— Или был подшит к ней, — сказал Климов. — Если его снимали для копирования, должен остаться след в журнале движения.

— Вы сказали, что папку уже готовили к копированию, — напомнила Вера.

— Верно.

— Тогда сначала найдём запись о движении, а потом будем решать, где искать оригинал.

Артём не отрывал взгляда от подписи Левиной. Она видела, как он удерживает себя от поспешного вывода. Эта фамилия подтверждала, что Левина ходила в архив и просила материалы, но не говорила, кто именно дал ей имя Марины и что она собиралась делать с полученной информацией.

Нина Андреевна нашла в папке закладку, на которой карандашом было написано: «копия для комиссии». К закладке прилагалась узкая полоска плотной бумаги. На ней стояли дата, подпись выдавшего и отметка о возвращении папки. Подписи хранителя не было.

— Выдача оформлена? — спросила Вера.

— Частично. Есть запись о получении и отметка о возвращении папки. Но отдельно возврат оригинала здесь не отмечен.

— Кто получил?

Климов прочитал фамилию, затем отодвинул лист к Вере, чтобы она могла сверить сама. «С. Г. Воронцов», сотрудник комиссии по рассмотрению обращений.

— Он работал с делом? — спросил Артём.

— В то время — да, — ответил Климов. — Он составлял перечни материалов. Но я не могу утверждать, что он брал именно лист обращения. В записи указана папка целиком.

— И по этой полоске нельзя понять, вернули ли её со всеми приложениями, — сказала Вера.

— Надо проверить журнал движения, — ответил Климов. — Возможно, состав при возврате указан там.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.